

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

**ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 5
volume 5**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1994

Военная политика ранней Тан

И. Ф. Попова

(Институт востоковедения РАН)

(Санкт-Петербург)

К середине VII века политическое влияние Китая распространилось на огромную территорию от Кореи до Персии и от Вьетнама до Тяньшаня — созданное после почти четырех веков раздробленности могущественное танское государство территориально превзошло пределы ханьской империи (206 г. до н. э.—220 г. н. э.). В административно-территориальную структуру Китая при династии Тан (618—907) было включено пространство протяженностью с востока на запад в 9511 ли, с юга на север — 16918 ли [10, цз. 37.27, с. 960]. Значительные успехи во внешней политике были достигнуты во многом благодаря гибкой военно-политической доктрине и усовершенствованию армии раннетанского государства.

Наиболее ранние формы военной организации в Китае зародились в глубокой древности (в период Шан-Инь, XVI—XI вв. до н. э.), когда объективная потребность в сильной центральной власти привела к образованию первых государственных структур. В дальнейшем военная система формировалась и менялась прежде всего в зависимости от социально-экономического развития страны и от политической динамики китайской имперской государственности. Социально-философская мысль традиционного Китая достаточно рано выработала подход к войнам как к политическому явлению. Вполне конкретно о взаимосвязи военного дела и войн с политикой говорили легисты. В "Книге правителя области Шан" ("Шан цзюнь шу", III в. до н. э.) сказано: "Совершенномудрый правитель понимает, что владычества в Поднебесной он может достичь лишь с помощью своих воинов, поэтому он поднимает [весь народ] страны и обязывает его служить в армии. <...> Обычно народ ненавидит войну; тот, кто сумеет привить народу любовь к войне, добьется господства в Поднебесной" [4, с. 154]. Представители других важнейших социально-философских школ и учений, появившихся в беспокойные периоды Чуньцю (770—476 гг. до н. э.) и Чжаньго (475—221 гг. до н. э.) и оказавших в той или иной степени влияние на развитие теории управления государством в Китае, далеко неоднозначно относились к военному делу, но при этом неизменно расценивали его как значимый фактор общественно-политической жизни. Конфуций (551—479 гг. до н. э.), превыше всего ценивший порядок и стабильность в государстве, не исключал военного дела из

числа основных занятий народа и однажды так ответил на вопрос своего ученика Цзы-гуна о правильном управлении: "[Государю надлежит] обеспечить народ пищей и оружием, а также внушить доверие к себе" [8, цз. 6, с. 15а—15б]. Одним из виднейших последователей Конфуция Мэн-цзы (372—289 гг. до н. э.) был сторонником справедливых войн, а именно наказания властителей, поправших нормы нравственности. Подробное рассуждение на эту тему Мэн-цзы привел, отвечая на вопрос своего ученика Вань-чжана об источнике войны княжеств Ци и Чу против Сун. "Вань-чжан сказал, обращаясь к Мэн-цзы: «Сун — маленькое княжество, которое в настоящее время намеревается ввести [у себя] совершенное управление. [Это] вызывает раздражение [княжеств] Ци и Чу, и [они] идут войной [против Сун]. Что можно сказать по этому поводу?» Мэн-цзы ответил: «[Чэн] Тан [в свое время] проживал [в столице] [Цзин]бо поблизости от [владения] Гэ. Управитель бо [владения Гэ] отличался распушенностью нрава и не приносил жертв. [Чэн] Тан послал к нему человека спросить, почему [он] не приносит жертв. Бо отвечал: '[У меня] нет жертвенных животных'. [Чэн] Тан послал [ему] быков и баранов. Бо [владения] Гэ их съел и по-прежнему не приносил жертв. [Чэн] Тан опять направил к нему человека спросить, почему [он] не приносит жертв. [Бо] отвечал, что [у него] нет жертвенного зерна. [Чэн] Тан послал людей из [Цзин]бо, чтобы [они] возделали его землю. Старые и малые стали носить [им в поле] пищу. Бо [владения] Гэ вместе со своими людьми подстерегал тех, у кого было вино и пища, просо и рис для посева, и грабил. А тех, которые не отдавали, убивал. [Среди носильщиков] был один мальчик, которого [он] убил и ограбил. В "Шу[цзине]" сказано по этому поводу: «Бо [владения] Гэ обошелся, как с врагом с носильщиком пищи [для рабочих]» [17, цз. 4.2, с. 3б]. Из-за того, что бо [владения] Гэ убил этого мальчика, [Чэн] Тан пошел против него войной, и все среди четырех морей говорили, что [он поднял этот поход] не ради завоевания Поднебесной, а ради отмщения за простых людей. [Покараением управителя] Гэ [Чэн] Тан начал [свои] завоевания. [Он] совершил одиннадцать карательных походов, и в Поднебесной не было [для него] соперников. [Если он] отправлялся походом на восток, роптали западные варвары и. [Если] шел на юг, то поднимали ропот северные люди. [Они] говорили: «Почему [он] забывает о нас?» Народ ожидал его, как ожидают дождя после большой засухи. Отправлявшиеся на базары продолжали посещать [их], полотьщики [на полях] не отвлекались. [Чэн Тан] казнил [жестоких] правителей и проявлял сострадание к народу. И народ испытывал великую радость, как если бы изливался своевременный дождь" [9, цз. 6.1, с. 5б—6а; 5, с. 106—107]. Другой видный последователь Конфуция Сюнь-цзы (289—238 гг. до н. э.) конкретизировал значение военного могущества как существенного момента в достижении единства и спокойствия в Поднебесной

[6, с. 160]. В частности, рассуждая о том, что совершенный правитель обязан добиваться расположения народа, и о возможных причинах гибели государства, Сюнь-цзы писал: "Когда народ другого [царства] постоянно помышляет о войне против меня, а народ моей страны не желает воевать за меня — это и составляет причину того, что сильное царство становится слабым" [6, с. 194].

Наряду с преобладающим в китайской социальной мысли подходом к войнам как к политическому средству, к которому может прибегнуть государство, существовал и другой, этический, подход, свойственный в наиболее четко выраженной форме, например, моистам, рассматривавшим войны прежде всего как источник страданий и бедствий народа. При этом в Китае уже в древности существовала высоко развитая военная философия, и была накоплена целая система знаний, связанных со стратегией, тактикой, организацией войск, военно-географическим фактором и т. д. Первым военным теоретиком Китая был полководец и мыслитель Сунь-цзы (конец VI—начало V вв. до н. э.), который в трактате "Сунь-цзы" рассмотрел вопросы о сущности войны, зависимости военной силы от прочности государства, значении линейного боя и маневра, влиянии природных условий на ведение боя, важнейших качествах полководца, необходимости тщательно изучать и учитывать сильные и слабые стороны своей армии и армии противника. "Война — это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели", — сказано в трактате "Сунь-цзы" [2, с. 33]. Позже, когда во времена сунского Шэнь-цзуна (1078—1085) окончательно сформировался состав собрания семи классических сочинений по военному искусству "Семикнижия" ("У цзин" 武經), трактат "Сунь-цзы" занял в нем почетнейшее место. В "Семикнижие" были включены: "Лю тао" (六韜, III—IV вв. до н. э.), "Сунь-цзы" (孫子, VI—V в. до н. э.), "У-цзы" (吳子, IV в. до н. э.), "Сыма фа" (司馬法, IV в. до н. э.), "Сань люэ" (三略, VI—VII вв.), "Вэй Ляо-цзы" (尉繚子, IV в. до н. э.), "Тай-цзун Ли Вэй-гун вэнь дуй" (太宗李衛公問對, VII в.) [2, с. 24—26]. Последнее произведение представляет собой изложение бесед Тай-цзуна (627—649), второго императора династии Тан, с генералом Ли Цзином (Вэй-гуном) на военные темы.

В традиционном Китае существовал достаточно реалистичный взгляд на войны как на нежелательное, но неизбежное явление общественной жизни. И, хотя имперская идеология признавала неоспоримым приоритет мирного воздействия благой силы-дэ монарха, утверждение о неизбежности войн и необходимости военного дела для государства было включено в концепцию универсального благоустройства. В разделе "Военная система" ("Бин[чжи]") "Новой истории династии Тан" ("Синь Тан шу") сказано: "Расцвет и упадок, порядок и смута в государствах, существовавших прежде в Поднебесной, всегда зависели

от силы-дэ [их правителей], однако со времени Чжаньго, Цинь и Хань мало кто не полагался на оружие. Разве не является важной военной система? Так, она формировалась и изменялась в соответствии с требованиями времени и всемерно совершенствовалась к пользе и удобству. И если рассмотреть правила и установления, [в соответствии с которыми она создавалась], [то можно видеть], что обычно использованное однажды не находило применения впоследствии. И только [династия] Тан установила систему *фубин*, которая оказалась в значительной степени соответствующей [времени и нуждам]" [10, цз. 50.40, с. 1323; 18, с. 747—748].

В течение первых лет династии Тан в официальной идеологии довольно четко проявилась тенденция осуждения активной внешней политики государства, поскольку одной из причин гибели недолговечной династии Суй (581—617), предшественницы Тан, была серия военных кампаний императора Ян-ди (605—617), масштабы которых оказались непосильными для недавно воссозданной империи. Наиболее активным выразителем этой тенденции был видный сановник Вэй Чжэнь (580—643). В первые два десятилетия Тан его поддерживали многие крупные чиновники, поскольку в этот период оставался неразрешенным ряд внутренних проблем государства. Императоры Гао-цзу (618—626) и Тай-цзун также понимали, что форсирование внешних захватов неизбежно привело бы к краху Тан и до 630 г. стремились избегать крупных военных столкновений: занимали выжидательную позицию, откупались от нарушавших границы Китая "варваров", выдавали принцесс замуж за правителей соседних государств и т. д.

Активным объектом внешней политики раннетанского государства был Восточнотюркский каганат, значительно усиливший свои позиции в Центральной Азии в суйский период. В начале Тан восточные тюрки неоднократно совершали набеги в северные пределы китайского государства. В 626 г. сразу после инцидента у ворот Сюаньмэнь один из давних соперников Ли Юаня (императора Гао-цзу) в борьбе за китайский престол Лян Ши-ду, имевший военную ставку на южной границе Ордоса и прежде вступавший в военно-политические альянсы с главами некоторых тюркских племен, убедил некоторых своих прежних союзников начать вторжение в Китай. Глава восточных тюрков Цзели-каган и его племянник Тули-каган, объединив силы, во главе сотысячной армии вторглись в китайскую область Цзинчжоу (территория нынешней провинции Ганьсу) и дошли до поселений Угун и Цзинши [11, цз. 191, с. 6018]. В восьмом месяце 626 г. Вэйчи Цзин-дэ нанес тюркам поражение на территории уезда Цзинъян (в 70 ли к северу от Чанани), захватил в плен одного из представителей тюркской знати Ашидэ-Няомочо-сыби и уничтожил больше тысячи человек [11, цз. 191, с. 6018—6019]. Однако эта победа не остановила тюрков, которые продолжали наступление. Сыма Гуан свидетельствует: "В день под

циклическими знаками *гуй-вэй* (15 сентября 626 года) Цзели-каган дошел до Пяньпяо, что севернее Вэйшуй. [Он] направил своего подданного Чжиши Сы-ли ко двору [Тай-цзуна] для того, чтобы заявить о [сложившейся] ситуации. [Чжиши Сы-ли] сказал [государю Тай-цзуну] следующее: «Два кагана — Цзели и Тули — ведут сто десятков тысяч воинов. Сейчас [они] находятся поблизости [от столицы].» Государь [Тай-цзун] любезно отвечал ему: «Я с твоими каганами связан мирными и родственными [отношениями], одарил [их] ценностями. [Сколько было подарков всего] — не имеет счета! Твои каганы самоуверенны. Заключив союз, [они] во главе [своих] армий глубоко вторглись [на территорию Китая]. И передо мною [они] не испытывают стыда! А ты, хотя и варвар, но ведь имеешь же человеческое сердце! Разве можно совсем забыть о больших милостях и хвастать силой? Да я сейчас возьму и казню тебя!» [Чжиши] Сы-ли испугался и молил себя помиловать. Сяо Юй и Фэн Дэ-и стали просить [государя] обойтись с ним по правилам этикета и отпустить его. Государь [на это] ответил: «Если я сегодня отошлю [его] восвояси, то варвары скажут, что я их боюсь, и будут творить еще большие насилия». После чего [он] заточил [Чжиши] Сы-ли в Мэнсяшэн, а [затем] лично выступил из ворот Сюань-умэнь вместе с Гао Ши-лянем, Фан Сюань-лином и другими — всего шестью всадниками, — кратчайшим путем прибыл к Вэйшуй и, будучи отделенным рекой, разговаривал с Цзели-каганом, корил его за нарушение договора. Тюрки весьма встревожились, все спешили и, став рядами, начали кланяться. И тут вдруг непрерывно стали прибывать [китайские] войска. Знамена и воины заполнили все пространство. Цзели отметил, что Чжиши Сы-ли не возвращается. А государь [Поднебесной], блистая великолепной военной выправкой и приняв устрашающий вид, бесстрашно и легко выступил вперед. Государь [Тай-цзун] сделал своим войскам знак рукой, велел им остановиться и расположиться рядами, а сам же задержался, чтобы поговорить с Цзели. Сяо Юй, считая, что государь недооценивает противника, схватил [государева] коня за поводья и стал настойчиво увещевать [своего императора]. Государь [Тай-цзун] ответил: «Тебе не известно, что я держу в [своих] мыслях! Тюрки разорили [нашу] страну и сходу вторглись на далекое расстояние из-за того, наше государство имеет [сейчас] внутренние трудности, а я только-только вступил на престол. И поэтому они считают, что я не способен дать [им] отпор. Если я продемонстрирую им [сейчас] свою слабость, если, закрыв ворота [своего дворца], откажусь от обороны, то тогда варвары непременно направят войска на большое разграбление и [потом] невозможно будет восстановить порядок. Поэтому-то я выступил в одиночку, в легком вооружении, чтобы продемонстрировать [мое] к ним пренебрежение, чтобы поразить их военной выправкой и обязательно заставить затрепетать [от страха]. Неожиданно выступив [в одиночку] против варваров, [я]

заставлю их отказаться от [первоначальных] намерений. Варвары глубоко вторглись в наши земли, и поэтому в сердцах [их] непременно поселился страх. Если [мы] сейчас [решим] сражаться с ними, то непременно [их] одолеем, если будем с ними договариваться, то установим мир. [То есть], чтобы справиться с тюрками сейчас, необходим один [решительный] поступок. Подумай об этом!» В тот же день Цзели-каган явился просить мира, на что в высочайшем указе было высказано согласие. Государь в тот же день вернулся во дворец, а в день [под циклическими знаками] и-ю (17 сентября 626 года) удостоил своим посещением Чэнси, где заключил с Цзели союз, принеся в жертву белую лошадь на мосту Бяньцяо. После этого тюрки сняли войска и отступили" [11, цз 191, с. 6019—6020]. Позже, отвечая на вопрос Сяо Юя о том, как же удалось договориться с тюрками, Тай-цзун сказал, что "соблазнил их золотом" [11, цз. 191, с. 6020].

Вскоре после описанных событий в Восточнотюрком каганате произошли значительные внутриполитические изменения. В 627 г. против тюркского владычества восстали некоторые племена, входившие в каганат — сеяньто, баэргу, уйгуры. Неудачная попытка Тули-кагана подавить восстание вызвала гнев Цзели и затем личный разрыв двух глав каганата. Кроме того, стремление Цзели-кагана использовать на государственных должностях в основном согдийцев и выходцев из Центральной Азии вызывало недовольство тюркской кочевой знати. Понимая, что со временем могущество восточных тюрков окажется подорванным из-за внутренних коллизий, Тай-цзун не торопился начинать решительных военных действий и способствовал расколу каганата, используя мирные дипломатические средства. В 628 г. Тай-цзун признал своим вассалом Пицзя-кагана, избранного главами племен, отколовшихся от Восточнотюркского каганата и обитавших на достаточно большой территории, простиравшейся "на востоке до [владений племен] мохэ, на западе до [территорий] западных тюрков, на юге включавшей пустыни, на севере доходившей до реки Цзюйлуньшуй. На ней проживали племена уйгуров, баэргу, аде, тунло, пугу, си" [11, цз. 93, с. 6062]. В конце 629 г. к танскому двору прибыл Цзели. Государь Тай-цзун сказал тогда своим сановникам: "В прошлом Тайшанхуан, [император Гао-цзу], ради [блага китайского] народа назвал себя подданным тюрков. Я всегда страдал [из-за этого]. Сегодня *шаньюй* приветствует [нас] земным поклоном. Надеюсь, что [теперь я] сумею смыть прежний позор!" [11, цз. 193, с. 6067]. В это же время ко двору Тай-цзуна с данью прибыли представители целого ряда племен, входивших в Восточнотюркский каганат.

Активные внешние завоевания танского государства начались в 630 г., когда Тай-цзун направил против восточных тюрков стотысячную армию под командованием генералов Ли Ши-ци и Ли Цзина. Во втором месяце 630 г. Ли Цзин нанес поражение Цзели-кагану в районе

Иньшань (во Внутренней Монголии, в провинции Суйюань), после чего Цзели бежал на север, где вскоре был захвачен и отправлен в Чанань в качестве политического заложника. В результате похода Ли Ши-цзи и Ли Цзина территория танского государства расширилась от Иньшань к северу до пустыни Гобь [11, цз. 193, с. 6073]. Тогда же Тай-цзун пожаловал высокие должности китайского государства многим представителям тюркской знати: Тули-каган был назначен Великим генералом западных территорий (*ювэй дацзянцзюнь*) и получил титул Бэйпин-цзюньван, Себи-теле Ашина-сымо также получил генеральский титул. Весной 630 г. главы северо-западных племен прибыли ко двору китайского государя с просьбой принять титул Небесного кагана (*тянькэхань*), символизировавший право Тай-цзуна на верховный сюзеренитет над ними. "Я являюсь Сыном Неба из Великой [династии] Тан, — сказал Тай-цзун, — теперь подданные хотят, чтобы [я] стал Небесным каганом!" Сановники и варвары четырех [сторон света] — все провозгласили здравицу "ваньсуй", после чего главам северо-западных [племен] были вручены грамоты с императорской печатью, и все называли [государя] Тай-цзуна Небесным каганом" [11, цз. 193, с. 6073].

Военные усилия раннетанского государства, направленные против соседей на севере и западе, во многом объяснялись потребностями обороны и желанием предотвратить появление в этом регионе сильных в военном отношении государственных образований. Это определяло приоритеты внешней политики дома Тан до начала 40-х годов VII века, когда главное направление территориальной экспансии Китая переместилось на восток против государств Корейского полуострова. Непосредственно после разгрома Восточнотюркского каганата важнейшим объектом имперской политики Китая стало завоевание контроля над Великим Шелковым путем, проходившим через расположенные в бассейне реки Тарим государства-оазисы — Гаочан, Карашар (Яньци), Хами (Иу), Куча (Куша), Кашгар, Хотан, Яркенд.

Осуществляя и оправдывая проведение военных акций на севере и западе, танский Тай-цзун до поры до времени отказывался от активных завоевательных шагов на юге и востоке. "В четвертый год [правления под девизом] Чжэнь-гуань (630) некий чин доложил государю, что княжество [южных] маней Линье не выполняет высочайших указаний, и просил выслать войска, чтобы покарать и уничтожить его. Тай-цзун [тогда] сказал: «Оружие — злодейское средство. Его используют, когда ничего другого не остается. Поэтому ханьский Гуань-ди (25—57) говорил: 'У каждого, кто хоть однажды породил войну, волосы на голове произвольно становились седыми'. С древних времен все, кто оттачивал оружие и был предельно воинствен, погибали. Фу Цзянь, своекорыстно используя военную силу, стремился во что бы то ни стало завладеть домом Цзинь. [Фу Цзянь] поднял войско в сотню десятков тысяч человек и [сам] погиб. Суйский государь [Ян-ди] столь

же настоятельно хотел завоевать Гаоли. Из года в год [он] утруждал [свой] народ повинностями, но победы не одержал, вызвал ропот и погиб от рук простолюдина. Что касается Цзели-[кагана], то в прежние годы [он] многократно вторгался в нашу страну. [Его] племена утомились в походах и в конце концов были разгромлены. Ныне, зная об этом, разве Я, ваш государь, проявлю своеволие? Даже если [Я] и вышлю войска, то [им] придется следовать через горы и пропасти — земли, обилующие болезнями. А вдруг мои воины от болезней пострадают? Пусть [мы] и победим и уничтожим этих маней, но чем же [придется] объяснить отступления от [прежних] слов? И разве стоит беспокоиться, что [мы] не будем карать [маней]?» [14, цз. 9.35, с. 3а]. Следует отметить, что Тай-цзун неоднократно связывал отказ от проведения военных кампаний со стремлением не утруждать народ Поднебесной. Когда в 631 г. из государства Канго (Самарканд) прибыли послы, чтобы "просить о [возможности] предать себя власти [Китая], Тай-цзун сказал, обращаясь к сановникам: «В прежние эпохи правители [Поднебесной] весьма были озабочены расширением территории и в этом отношении добивались никчемной посмертной славы, не принося пользы при жизни. Народ испытывал большие трудности [из-за этого]. И даже, если для себя [правители] обретали пользу, народу получалось во вред. Я, ваш государь, ни за что не стану добиваться пустой славы и вредить [своему] народу! Если из государства Канго прибыли к нам для изъявления покорности, то [значит, что оно] находится в бедственном положении. И как не оказать помощь! [Но для этого наши] войска [должны] пройти [расстояние] в десять тысяч ли. Разве это не будет обременительным для народа [Поднебесной]? А Я не хочу утруждать народ, добиваясь [собственной] славы. Поэтому [Я] не должен принимать Канго под [свою] опеку» [14, цз. 9.35, с. 3б].

Воздерживаясь от преждевременных и дорогостоящих военных акций, император Тай-цзун тем не менее уже с первых лет своего царствования проявлял озабоченность по поводу военного усиления страны и реформы армии, о чем он также высказывался с точки зрения своей обязанности оберегать народ. 10 октября 626 г., устраивая смотр стрельбы из лука дворцовой гвардии, Тай-цзун заявил: "Жуны и ди совершают набеги [на Китай] и грабят. Так повелось с древности. Несчастье состоит в том, что во время короткого затишья на границах правители предавались праздности и забывали о войне. И поэтому, когда вторгались враги, никто не мог им противостоять. Ныне Я не допущу, что вы выкапывали пруды и огораживали парки [для меня]. [Вы должны] целиком посвятить себя стрельбе из лука. В мирное время [Я] буду вашим наставником, а вторгнутся тюрки — стану вашим полководцем. [Я] надеюсь, что китайский народ сумеет воспользоваться временной передышкой!" [11, цз. 192, с. 6021].

Осуществление Тай-цзуном грандиозной военной программы — восстановления китайской империи в территориальных пределах Хань (206 г. до н. э.—220) — потребовало от второго танского государя прежде всего большой военно-теоретической гибкости. Тай-цзун весьма убедительно включил утверждение о необходимости военного дела в концепцию универсального благоустройства.

Одним из элементов мироздания и объектом упорядочивающего воздействия монаршей власти считался народ, забота о котором (прежде всего обеспечение пищей и занятиями) рассматривалась в качестве неперемennого условия приведения мира в гармонию. К числу занятий, которыми государь должен был обеспечивать своих подданных, Тай-цзун относил земледелие (*нун*), военное дело (*у*) и гражданские занятия (*вэнь*). "Известно, — писал Тай-цзун, — что оружие и доспехи — жестокое средство, к которому [прибегает] государство. Когда территория обширна и любят войну, то людям [все равно] будет тесно. Когда в государстве спокойно и любят войну, то люди [все равно] будут в опасности. Стесненность [народа] — это не метод для сохранения целостности [государства], и пребывание [людей] в опасности — это не способ сохранения спокойствия от внешних врагов. [Военное искусство] нельзя полностью игнорировать, но и нельзя постоянно применять. Поэтому, когда военному делу обучаются во время, свободное от сельскохозяйственных работ, [это соответствует] соблюдению этикета. Гоу-цзянь, [правитель княжества Юэ], поклонился лягушке и в итоге стал гегемоном¹, а Янь, [правитель княжества Сюй], пренебрегал военными делами и в конце концов погубил [свое] княжество². Так произошло потому, что Гоу-цзянь укреплял военную мощь, а Янь забыл о военной подготовке. Конфуций говорил: «Не учить людей воевать — значит бросить их на произвол судьбы»³. Из этого видно, что грозность лука и стрел существует для того, чтобы принести пользу Поднебесной. Вот важнейшие принципы использования военной силы" [12, цз. 4, с. 40—41]. Развивая эти положения, Тай-цзун объяснял, что переход людей от военного дела к гражданским занятиям и наоборот происходит из-за того, что в реальной жизни периоды мира и порядка сменяются периодами войны и смуты: "...в государстве попеременно используются два [вида занятий] — военные и гражданские. Когда великий дух войны охватывает землю, а успех и поражение находятся на кончике копья, когда волны разрушений застилают Небо, а расцвет и упадок зависят только от боевого порядка, — в такой момент ценят щит и копьё и пренебрегают учением. [Когда же страна среди] четырех морей и пяти пиков спокойна, когда волны и пыль не поднимаются, когда ограничивают излишнюю грозность, проявлением которой являются семь достоинств⁴, и распространяют великое преобразование [с помощью] девяти заслуг⁵, то в такой момент забывают о доспехах и высоко ценят "Ши[цзин]" и "Шу[цзин]". Из этого видно,

что гражданские и военные занятия равнозначны. Ни от того, ни от другого отказаться невозможно. Периодам мира и смуты — каждому соответствует необходимое [занятие]. Из воинов и ученых разве можно пренебрегать одними в противовес другим?" [12, цз. 4, 42—43].

Военно-политическая доктрина, сформулированная императором Тай-цзуном, стала важнейшим фактором военного усиления страны и совершенствования армии, которая в раннетанский период комплектовалась по территориально-милиционному принципу (система *фубин*). Описание системы *фубин* и оценка ее значения для набирающей силу империи дана в разделе "Военная система" ("Бин[чжи]") в "Синь Тан шу": "Известно, что в древности военная система создавалась в соответствии с [принципом] «колодезных полей» (*цзиньтянь*)^б. Со времени упадка [дома] Чжоу установления совершенных правителей были ниспровергнуты и более не возрождались. Но система *фубин* впервые [после долгого перерыва] также, [как и чжоуская военная система] была основана на сельскохозяйственном труде и подчиняла [своей] регламентации быт, подготовку, накопления, занятия, труд и отдых [людей]. Не воссоздавая полностью древнюю систему (*фубин*), отвечала ее главным целям. И именно благодаря этому и Гао-цзу, и Тай-цзун достигли процветания. Что же касается их потомков, то они заносились, ослабевали и оказались неспособными в полной мере сохранить созданную предками [военную] систему и неоднократно меняли ее. Известно, что армией обзаводятся для того, чтобы пресекать смуты. Но если армией пренебрегают, то это тут же оборачивается смутой, а если армии [уделяют] чрезмерно много [внимания], то на Поднебесную обрушиваются страдания, назревает смута, и в конце концов неизбежна гибель. ...Система *фубин* зародилась при Западной Вэй (534—556) и Поздней Чжоу (557—580), приняла законченный вид при Суй (581—617) и была унаследована воцарившейся [затем] танской династией" [10, цз. 50.40, с. 1323—1324; ср. с переводом 18, с. 747—751]. Конкретно введение системы *фубин* связывают с именем Юйвэнь Тая, который уже в 522 г. создал военное ведомство (*цзюньгуань* 軍官). В подчинении цзюньгуань находились военные подразделения (*цзюньфу* 軍府), введенные впервые при Северной Вэй (386—533) правящим домом Тоба сяньбийского происхождения [15, с. 1—2].

Следует отметить, что вплоть до настоящего времени термин *фубин* (военные подразделения 府兵) не получил четкого, бесспорного разъяснения. Существует также много вопросов относительно происхождения, функционирования и структуры системы. Наиболее известные современные исследования о *фубин* на китайском языке основаны прежде всего на данных официальных исторических сочинений, акцентирующих внимание на главных и наиболее общих проблемах военного устройства государства [7, 15, 16]. Но, очевидно, для более детального изучения военной системы ранней Тан еще не накоплено

конкретного исторического, юридического и этнографического материала и остается лишь уповать на будущее*.

Ядром раннетанской армии были двенадцать гвардейских корпусов (впоследствии их стало шестнадцать), основной функцией которых была караульная служба в столице. Структура гвардии была унаследована от Суй. К гвардии при Тан относились: правый и левый корпуса крылатой гвардии (*ивэй* 聖衛); правый и левый корпуса доблестной конницы (*сяоцивэй* 驍騎衛); правый и левый корпуса воинственной гвардии (*увэй* 武衛); правый и левый гвардейские гарнизоны (*туньвэй* 屯衛); правый и левый корпуса защитительной гвардии (*юйвэй* 禦衛); правый и левый корпуса бдительной гвардии (*хоувэй* 候衛); [10, цз. 50.40, с. 1324; 18, с. 751—752]. В каждом из перечисленных двенадцати гвардейских корпусов существовала одна должность главного генерала (*шанцзянцзюнь* 上將軍), одна должность старшего генерала (*дацзянцзюнь* 大將軍) и две должности генералов (*цзянцзюнь* 將軍) [10, цз. 49.39, с. 1279, 1283, 1284, 1286, 1289], между которыми распределялось руководство всеми воинами, входившими в подразделения-фу [10, цз. 50.40, с. 1324; 18, с. 752]. Последняя фраза из "Синь Тан шу", очевидно, означает, что в начале Тан гвардейские корпуса комплектовались переменным личным составом, относившимся к строго определенным подразделениям-фу, и одновременно при мобилизациях из этих же подразделений комплектовался состав соединений действующей армии, возглавляемых высшими офицерами данного гвардейского корпуса. В разделе "Военная система" ("Бин[чжи]") "Синь Тан шу" указано: "В начале [Тан], когда была учреждена система *фу-бин*, [воины] вне службы занимались сельским хозяйством. Те из них, которым приходило время отбывать повинность, несли охранную службу в столичной гвардии — и только. Если же где-либо возникала потребность [в войсках], тогда [государь] назначал генерала, чтобы возглавить поход. А когда инцидент исчерпывался, тогда [военные действия] прекращали, и воины возвращались по [месту расквартирования] своих подразделений-фу, а генералы — ко двору. Поэтому воины не оставляли основного дела, а генералы не имели полномочий распоряжаться войсками, и поэтому не происходило ослаблений [центральной власти], а предпосылки войн и смут пресекались" [10, цз. 50.40, с. 1328; 18, с. 784—785]. Продолжительность караульной службы в столице составляла один месяц, причем "военное министерство (*бинбу* 兵部) устанавливало очередность (несения караульной службы) в зависимости от удаленности [от столицы]. Проживавшие на расстоянии до 500 ли [от столицы] соответствовали пятой очереди, [по которой службу несут в течение одного месяца из каждых пяти];

* Пользуясь случаем, приношу мою благодарность Сергею Александровичу Школяру, много лет посвятившему плодотворному изучению военной истории Китая, за ценные консультации.

проживавшие на расстоянии до 1000 ли — седьмой очереди, [когда служат один месяц из семи]; проживавшие на расстоянии 1500 ли соответствовали восьмой очереди, [когда служат один месяц из восьми]; на расстоянии до 2000 ли — десятой; проживавшие во внешних землях государства — двенадцатой очереди. Они [служили] в столице в течение одного месяца" [10, цз.50.40, с. 1326; 18, с. 771]. Для тех, кто служил в гвардии на офицерских должностях, устанавливался при продолжительности службы в один месяц несколько иной порядок: проживавшие на расстоянии до 500 ли от столицы соответствовали седьмой очереди, т. е. служили в течение одного месяца из каждых семи; проживавшие на расстоянии до 1000 ли — восьмой; до 2000 ли — десятой; проживавшие во внешних землях — двенадцатой [10, цз. 50.40, с. 1326; 18, с. 771—772]. Китайский историк Цэнь Чжунмянь уточняет, что не все подразделения-фу, существовавшие в раннетанский период, относились к двенадцати гвардейским корпусам: 22 подразделения-фу подчинялись шести командующим Наследника Престола [15, с. 46]. При Наследнике в раннетанский период состояли: правый и левый гвардейские корпуса Наследника Престола (*Тай-цзы цзою вэй* 太子左右衛); правый и левый корпуса защитительной гвардии Наследника Престола (*Тай-цзы цзою сыюй* 太子左右司御); правый и левый гвардейские корпуса охранения путей следования Наследника Престола (*Тай-цзы цзою циндао* 太子左右清道) [15, с. 46].

Помимо перечисленных выше гвардейских корпусов существовало еще привилегированное Охранное войнство Сына Неба (*Тянь-цзы цзиньцзюнь* 太子禁軍), созданное по особому указу императора Гао-цзу, пожелавшего наградить участников победоносного похода от Тайюаня до Чанани летом 617 г. Известно, что перед началом этого решающего военного похода против соперников, претендовавших на верховную власть в Китае, в конце пятого месяца 617 г. Ли Юань создал Ставку Великого Командующего (*Дацзянцзюнь фу* 大將軍府) и разделил свое войско на три армии, выделив среди них Центральную, Правую и Левую. Своему старшему сыну Цзянь-чэну Ли Юань дал титул Лунси-гун и назначил его Левым главным полководцем (*Цзолин дадуду* 左領大都督), Ши-миню (будущему Тай-цзуну) дал титул Дуньхуан-гун и назначил его Правым главным полководцем (*Юлин дадуду* 右領大都督), еще один сын Ли Юаня Юань-цзи возглавил Центральную армию [10, цз. 50.40, с. 1324; 18, с. 753—755]. Первоначально в танской армии было тридцать тысяч человек, (к концу похода численность ее возросла до двухсот тысяч). После победы Гао-цзу приказал расформировать свою армию, а тридцать тысяч (очевидно, именно тех, кто начал с ним поход из Тайюаня) оставил для своей личной охраны. Этим участникам похода были пожалованы опустевшие во время междоусобной войны плодородные земли вдоль канала Боци севернее р. Вэйшуй, а также даровано почетное наименование

"Охранное воинство первого похода" (*Юаньцун цзиньцзюнь* 元從禁軍). Впоследствии ветеранов воинства стали заменять на службе их сыновья и младшие братья, а потому у них появилось название "Армия преемников" (*Фуцзы цзюнь* 父子軍). Вступив на престол, Тай-цзун отобрал сотню наиболее искусных стрелков из Армии преемников, дал им наименование "конная сотня" (*байци* 百騎) и предписал сопровождать свою высочайшую персону на охоту. Кроме того Тай-цзун создал отдельные Семь отрядов Северной казармы (*Бэйя ци ин* 北衙七營) и в 638 г. — Отряд Летучей конницы (*фэйци* 飛騎), выполнявший караульную службу у ворот Сюаньмэнь и сопровождавший императора во время его выездов [10, цз. 50.40, с. 1331; 18, с. 833—836].

Весь переменный рядовой состав раннетанской армии был приписан к воинским частям по месту жительства. В суйский период воинские подразделения-фу были двух разновидностей: подразделения легкой кавалерии (*пьяоцифу* 驃騎府) и подразделения боевых колесниц и копников (*цзюцифу* 車騎府); во главе каждого подразделения-фу стоял генерал (*цзянцзюнь*). В 617 г. Гао-цзу повелел возродить суйскую систему воинских подразделений-фу, получивших название *цзюньфу* (軍府), их возглавляли теперь по два генерала — легкой кавалерии (*пьяоци цзянцзюнь*) и боевых колесниц и конников (*цзюци цзянцзюнь*). Тогда же территория Гуаньчжуна была поделена на двенадцать округов-дао, и в каждом дао была учреждена армия, в которую объединялись воины подразделений-фу данной местности. Спустя три года каждой армии было присвоено собственное наименование: в округе Ваньмяндао армия стала называться Воинство под созвездием Великого Знамени (*Шэньцицзюнь* 參旗軍); в округе Чананьдао — Воинство под созвездием Барабанов и Знамен (*Гуцицзюнь* 鼓旗軍); в округе Фупиндао — Воинство под звездой Черное Копье (*Сюаньгэцзюнь* 玄戈軍); в округе Лицоандао — Воинство под звездой Секира и созвездием Колодец (*Цзинььюэцзюнь* 井鉞軍); в округе Тунчжоудао — Воинство под созвездием Лес Бунчуков (*Юйлинцзюнь* 羽林軍); в округе Хуачжоудао — Воинство под созвездием Верховой Офицер (*Цигуаньцзюнь* 騎官軍); в округе Нинчжоудао — Воинство под созвездием Сокрушающего Могушества (*Чжэвэйцзюнь* 折威軍); в округе Цичжоудао — Воинство под созвездием Мирного Пути (*Пиндаоцзюнь* 平道軍); в округе Биньчжоудао — Воинство под звездой Поднятое Копье (*Шаоляоцзюнь* 招搖軍); в округе Силиньчжоудао — Воинство под созвездием Парков и Садов (*Юаньюэцзюнь* 苑游軍); в округе Ципчжоудао — Воинство под созвездием Невод (*Тяньцицзюнь* 天紀軍); в округе Ичжоудао — Воинство под созвездием Небесный Жезл (*Тяньцецзюнь* 天節軍). "[Во главе] каждой из армий стоял один командующий (*цзян* 將) и один [его] заместитель (*фу* 副). [Они] осуществляли контроль за сельскохозяйственными работами и воен-

ными делами и управляли подразделениями *цзюцифу* [и *пяоцифу*]. В шестой год [правления под девизом] У-дэ (623), когда Поднебесная была усмирена, двенадцать армий упразднили, [в 624 году должность генерала] легкой кавалерии (*пяоци*[*цзянцзюнь*]) была переименована в [должность] генерала армии (*тунцзюнь* 統軍), а [должность] генерала боевых колесниц и конников (*цзюйци* [*цзянцзюнь*]) — в заместителя генерала армии (*бецзян* 別將). По прошествии одного с лишним года (625) двенадцать армий были восстановлены, и для каждой из них учреждена одна [должность] командующего (*цзянцзюнь*). [Каждая из] армий имела [свой] район дислокации (*фан* 坊). Для надзора за населением в нем и для поощрения земледелия и шелководства назначались начальники [дислокаций] (*[фан]чжу* [坊]主)" [10, цз. 50.40, с. 1324—1325; 18, с. 755—761].

Осуществив наиболее крупные акции против восточных тюрков, император Тай-цзун приступил к усовершенствованию армии. "В десятый год [правления под девизом] Чжэньгуань (636) Тай-цзун переименовал [должность] генерала армии (*тунцзюнь*) в Непобедимого военачальника (*Чжэчун дувэй* 折衝都尉), а [должность] заместителя генерала армии (*бецзян*) — в Непреклонного военачальника (*Гоу дувэй* 果毅都尉). Все [воинские] подразделения (*[цзюнь]фу*) получили наименование "подразделения непобедимых [бойцов]" (*чжэчунфу* 折衝府). На всей территории Поднебесной было [создано] десять округов-*дао* и учреждено 634 подразделения-*фу*, каждое из которых имело [собственное] наименование" [10, цз 50.40, с. 1325; 18, с. 761]. Наименования присваивались подразделениям *чжэчунфу* по названиям местности (области, уезда, селения), где воины были расквартированы. Очевидно, количество *чжэчунфу* было неодинаковым в разные годы, поскольку источники приводят разные данные: приводятся цифры и 633, и 634, и более 800 [16, с. 253]. В "Синь Тан шу" указано, что на территории достаточно густонаселенного Гуаньчжуна (Гуаньнэй) было создано 261 подразделение *чжэчунфу*. В новейшем исследовании "Военная история Китая" ("Чжунго цзюньши ши"), в третьем томе, изданном в Пекине в 1987 г., приводятся следующие данные: "Во округах-*дао* Гуаньнэй было 288 подразделений-*фу*; в округе Хэдундао — 164 *фу*; в округе Хэнаньдао — 74; в Хэбэйдао — 46; в Лунъюдао — 37; в Шаньнаньдао — 14; в Цзяньнаньдао — 13; в Чжуннаньдао — 10; в Линнаньдао — 6; в Цзяннаньдао — 5 подразделений-*фу* [16, с. 253].

Существовали три категории подразделений *чжэчунфу*: высшая (к ней относились подразделения с численностью состава в 1200 человек); средняя (1000 человек); низшая (800 человек). В каждое подразделение *чжэчунфу* входило несколько батальонов (*туань* 團) из 300 человек во главе с командиром батальона (*сяовэй* 校尉); батальоны состояли из рот (*дуй* 隊) из 50 человек во главе с командиром роты (*чжэн* 正); роты состояли из десятков (*хо* 火), возглавляемых десят-

никами (*чжан* 長). "[Каждый] десяток (*хо*) предоставлял [за счет личного состава] шесть лошадей для транспортировки грузов, а также одну палатку из темного материала; одну железную пойницу для лошадей; одну матерчатую кормушку [для лошадей]; одну лопату; один заступ; одно долото; один пест; одну корзину; один топор; одни щипцы; одну пилу; две подставки для доспехов; два серпа. Рота (*дуй*) предоставляла одну веревку для связывания лошадей; три узды и трое ножных пут для лошадей. Каждый воин предоставлял один лук и тридцать стрел; один колчан; один палаш, прикреплявшийся к поясу; один точильный камень; одно большое шило-подвеску; одну войлочную шапку; одно войлочное платье; одну пару обмоток; девять *доу* вареного зерна и два *доу* риса. Все это предоставлялось [воином] лично, а [его] доспехи и холодное оружие выдавались из казенного арсенала" [10, цз. 50.40, с. 1325; 18, с. 763—766].

В раннетанском Китае служба в армии имела всеобщий обязательный характер: каждый простолюдин в возрасте от 20 до 60 лет должен был случае мобилизации участвовать в военных экспедициях и в положенный срок нести караульную службу в столице. Кроме того, ежегодно в двенадцатом месяце в течение одного дня устраивались боевые учения и охота для всех воинов *фубин* [10, цз. 50.40, с. 1325—1326; 18, с. 766—769].

Создание мощной и предельно продуманной военно-социальной организации было одним из важнейших факторов образования танской империи. Войска, укомплектованные по принципу *фубин*, составляли основу и главную силу раннетанской армии. При этом в китайской армии помимо ханьцев использовались и отряды иноплеменников, перешедших под покровительство Тан.

Включение завоеванных земель в административно-территориальную структуру китайской империи осуществлялось путем создания (часто лишь формального провозглашения) на населенных некитайскими народами землях административно-территориальных единиц, получивших название *цзими фучжоу* (губернаторства и области, управляемые по принципу узды и поводей), которые создавались вдоль границ с внешней стороны Среднего государства. После победы над восточными тюрками весной 630 г. перед танским правящим домом встала задача включения в состав китайской империи огромных территорий, на которых проживало более 100 тысяч человек [11, цз. 193, с. 6075]. Разгоревшаяся при дворе дискуссия по поводу конкретных форм включения новых земель и народов в состав империи выявила основные тенденции в официальной внешнеполитической доктрине. Большинство сановников высказалось за переселение восточных тюрков на окраинные китайские территории, что позволило бы превратить "варваров" в податное сословие и заселить обширные пустующие земли. Активным проводником этой политики был Глава Государ-

ственной канцелярии (*Чжуншу лин*) Вэнь Янь-бо, который заявил, что переселить тюрков на китайские земли необходимо не только для того, чтобы заполнить пустующие территории, но и наставить на путь истинный варварские души [14, цз. 9.36, с. 14а]. Однако многие видные придворные выступили с резкими возражениями против переселения тюрков на внутренние китайские земли. Вэй Чжэн, например, сказал следующее: "С древнейших времен сюнну не имели поражения, подобного нынешнему. Теперь же Вы, Государь, ниспровергли их государство и непревзойденное военное могущество. Из поколения в поколение они вторгались в пределы Срединного государства, и народ [Китая] считал [их своими] врагами. Вы, Государь, добились их покорности, [однако] не смогли истребить [их всех до единого], и раз уж [так вышло], следует выслать их к северу от [Хуан]хэ и разместить на исконных землях сюнну. [Они] на лицо — люди, сердцем — звери. И не потому, что мои соплеменники сильны, а [варвары-] разбойники слабы, [последние] покорно склоняются [перед нами]. Помимо этого [Ваши] доброта и справедливость влияют на их природный характер. Цинь и Хань страдали от них. И если бы в древности какой-либо отважный полководец нанес им удар, собрал бы их к югу от Хэ и разделил [эту территорию] на области и уезды, тогда [сейчас] Ваше Величество [могли бы] поселить их на внутренних землях. К тому же [количество] покорившихся достигает ста тысяч, а через несколько лет [их] станет еще больше. И если локоть и подмышка вырастут в [непосредственной] близости от сердца и желудка, каковыми является [наша] столичная область, тогда роковым последствием этого станет болезнь. [Поэтому я считаю], что ни в коем случае нельзя поселять [варваров] к югу от [Хуан]хэ" [14, цз. 9.36, с. 14а—14б]. Вэнь Янь-бо, выступивший сторонником переселения тюрков, выдвинул следующие аргументы в защиту предлагаемой им политики: "Сын Неба воздействует на все сущее: как Небо, [все] покрывает и, как Земля, [все] несет на себе. [Все], что имеет в нем пристанище, необходимо вскармливать. Ныне тюрки уничтожены, [а те из них, которые] остались, сдались в плен. Если Вы, Государь, не встанете на путь жалости, пренебрежете [тюрками] и не примете [их под свое покровительство], то [Вы] таким образом нарушите Путь-Дао Неба и Земли и воспрепятствуете устремлениям варваров четырех [сторон света]. Я, неразумный, уверен, что нельзя так [поступать]. Следует поселить их к югу от [Хуан]хэ. Это называется: умертвив, сохранить жизнь; погубив, поддержать существование. Если Вы сами будете великодушны и милостивы, то никогда не произойдет смуты" [14, цз. 9.36, с. 14б]. В ответ на это Вэй Чжэн, сославшись на исторические прецеденты, заявил: "...кормить хищников — [значит] самому навлекать на себя беду" [14, цз. 9.36, с. 15а]. Вэнь Янь-бо привел еще ряд аргументов в пользу своей точки зрения: "Я слышал, что Путь-Дао совершенномудрых вовсе не состоит в том,

чтобы не поддерживать отношений с тюрками и прочими. ... Мы поселим [варваров] на внутренних землях, и воспитывая [их] с помощью ритуала и закона, [будем] назначать [на должности] их вождей. На землях, занятых [тюрками], создадим сторожевые посты. Когда воздействуют устрашением и добродетелью, то к какой беде это может привести? Известно, что Гуань-ди поселил инородцев к югу от Хэ. [Их] шаньюй находился во внутренних областях [Китая]. [Варвары] представляли собой [таким образом] опору для Хань. И вплоть до конца [этой] династии [от сюнну] не исходило смуты. А вот суйский Вэнь-ди (581—604) не жалел боевых сил и способствовал кагану в возрождении его государства. В итоге [каган] оказался неблагодарным, нарушил [данное Суй] слово и подверг Ян-ди осаде в [крепости] Яньмэнь. Ныне Вы, Ваше Величество, обладаете великой гуманностью и можете поселить [тюрков], как пожелаете, к югу или к северу от [Хуан]хэ, и таким образом, чтобы их вожди не находились во взаимном подчинении [друг у друга]. Силы их будут разобщены, могущество — подорвано. Разве можно таким образом навлечь беду?" [14, цз. 9.36, с. 15а]. Еще один участник дискуссии цензор (*цзишичжун*) Ду Чу-кэ сказал так: "Северные варвары лицом люди, а сердцем — дикие звери. Трудно воздействовать [на них] добродетелью, легко — покорять грозностью. [Если] сейчас их племена рассредоточить к югу от [Хуан]хэ в непосредственной близости к китайской равнине, [то] со временем непременно произойдет беда..." [14, цз. 9.36, с. 15а—15б].

В результате при дворе было принято решение переселить восточных тюрков на китайскую территорию на севере Ордоса и нынешней Шаньси вдоль границы от области Ючжоу на востоке (пр. Хэбэй) до области Линьчжоу (Шэньси) — на западе. На землях, подвластных Тули-кагану, Тай-цзун учредил губернаторство Шуньдудуфу, а на землях, подвластных Цзели-кагану, — губернаторства Динсяндудуфу и Юньчжундудуфу. Во вновь созданных административно-территориальных единицах на должности губернаторов (*дуду*) и начальников областей (*цыши*) назначались вожди коренных племен. Кроме того, десять тысяч семей тюрков было переселено в Чанань, а главы племен, явившиеся выразить покорность, все получили должности генералов танской армии. Важнейшей повинностью переселенных на китайские территории тюрков была "дань кровью" — обязанность участвовать в войнах империи. В течение пятидесяти лет тюркские отряды по приказу китайского императора сражались в Монголии и Ганьсу, в Западном крае и на Ляодуне [1, с. 23]. Первым значительным опытом использования отрядов кочевников для решения танским государством внешнеполитических задач был, очевидно, захват Гаочана в 640 г., когда ударную силу армии генерала Хоу Цзюнь-цзи составили конные отряды восточных тюрков. В 647 г. большая армия, ядро которой состояло

из конницы восточных тюрков, под командованием Ашина Шиэра захватила государство Куча [3, с. 328].

Со временем по мере расширения китайской империи на новых приграничных землях было создано шесть наместничеств (духуфу 都護府) для централизации политического и военного управления губернаторствами и областями *цзими*. Наместники назначались из числа влиятельных сановников-китайцев и обладали большими полномочиями. 1. Первым по времени было создано наместничество Аньси (Сиань) духуфу. В 640 г. после захвата Гаочана, государства-оазиса в Турфанской низменности на востоке нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района, были созданы названное наместничество и область Сичжоу. В 648 г. центр Аньсидухуфу был перенесен в Куча. В наместничество были включены четыре губернаторства: Куча, Юйтянь, Шулэ, Яньци (Карашар). 2. В 640 г. в Синьцзяне (в районе нынешнего Урумчи) была создана область Тинчжоу, а в 702 г. при императрице У Цзэ-тянь она была преобразована в наместничество Бэйтиндухуфу, граничившее с Аньсидухуфу по горам Тяньшаня. 3. В 647 г. после покорения сеяньто в Монголии (на границе с Кобдо) учредили наместничество Яньжаньдухуфу, которое включало 6 губернаторств и 16 областей *цзими*. В 669 г. оно было переименовано в Аньбэйдухуфу. 4. Наместничество Шаньюйдухуфу было создано в 650 г. императором Гаоцзуном (ныне — это территория Внутренней Монголии). Оно включало 3 губернаторства и 14 областей *цзими*, расположенных к югу от пустыни Гоби. 5. В 660 г. после завоевания государства Пекче (юго-запад Корейского полуострова) на его территории было создано 5 губернаторств. В 668 г. после покорения Когурё учредили наместничество Аньдундухуфу. 6. Наместничество Аньнаньдухуфу было создано в 679 г. на территории области Цзяочжоу (север современного Вьетнама и юг нынешнего Китая) [16, с. 265—266]. Находившиеся в подчинении наместников пограничные или территориальные войска (*бяньфанцзюнь* 邊防軍, *дифанцзюнь* 地方軍), рекрутировались из местного населения и имели наименование по названию данной местности. Пограничные войска должны были охранять границы империи и участвовать в военных операциях (в этом случае их усиливали частями *фубин*) [16, с. 266].

Возможности использования боевого опыта и способностей военачальников из покорившихся племен были предметом рассмотрения танской военно-политической мысли. В упоминавшемся трактате "Ли Вэй-гун вэнь дуй" на эту тему, например, сказано следующее: "Тайцзун произнес: «За последнее время кидани и си стали [нашими] внутренними подданными. [Для них] были учреждены [должности] губернаторов в Сунмо и Жаоюэ и подчинены Аньбэйскому наместнику. Я [намереваюсь] использовать [на службе] Се Вань-чэ. Что [Вы, Вэй-гун], думаете об этом?» [Ли] Цзин отвечал: «[Се] Вапчэ уступает

Апина Шиэру, а также Чжиши Сы-ли и Циби Хэ-ли — иноплеменным подданным, знающим военное дело. Ваш покорный слуга беседовал с ними о [землеустройстве] гор, потоков и дорог в [губернаторствах] Сунмо и Жаоюэ, о том склоняются ли инородцы к неповиновению или к покорности. [Сейчас] на территории вплоть до государства Сиюй (Хорезм) десять с лишним племен, наверняка, заслуживают доверия. [Троих названных военачальников] я обучал тактике, и [они] непременно с поклонами принимали разъяснения. Надеюсь, что Вы, Государь, используете их, не испытав недоверия. Что же касается Вань-чэ, то, хотя [он] и отважен, но не умеет разрабатывать планы. Затруднения существуют только с его назначением». Тай-цзун ответил, смеясь: «Инородцы служат [Нам] под Вашим началом. Древние говорили: 'С помощью варваров побеждают варваров'. В этом сила Среднего государства. Вы это постигли» [13, цз. 40, с. 15а—15б].

Следует отметить, что использование раннетанскими государями на крупных должностях в армии или при дворе представителей неких тайских народов вызывало нарекания определенной части сановников-ханьцев, но в целом при Тай-цзуне, объединившем под своей властью огромные территории, заселенные многими племенами, были привнесены новые акценты в традиционные геополитические представления. Достаточно интересным с этой точки зрения является ответ Ли Цзина на вопрос Тай-цзуна о диспозиции ханьских и инородческих войск в наместничестве Яочидухуфу (Синьцзян-Уйгурский автономный район). "Ли [Цзин] сказал: «Когда Небо порождает людей, то изначально не делит их на инородцев и ханьцев. Но при этом, когда земли пространные, дикие и пустынные, прокормить себя [можно только] охотой. Поэтому все [живущие в степях] постоянно воюют. А милость и доверие нашего [государя] успокаивают их, наши одежда и пища выручают их, как если бы они были ханьцами. Вы, Ваше Величество, учредили наместничество [Яочи]духу[фу]. Я, ваш слуга, прошу отозвать [оттуда] ханьских воинов и расквартировать их во внутренних землях. [Так Вы] сэкономите продовольствие. Военные философы называют это методом балансировки сил (чжи ли чжи фа 治力之法). Но при этом прошу назначить на службу в [наместничестве] чиновников-ханьцев, хорошо знакомых с нравами инородцев, и [создать] повсеместно [пограничные] крепости. Этого будет достаточно, чтобы управлять [ими] долгое время. А если возникнет тревожное положение, тогда [нужно будет] направить [туда] ханьские войска»" [13, цз. 41, с. 2а].

Расширив пределы своего государства на западе и северо-западе, добившись внутренней экономической стабильности и роста военной мощи, Тай-цзун начинает серию войн на востоке. С начала 40-х годов VII века идея завоевания Корейского полуострова трактуется при дворе как все более актуальная. В 641 г. звучат высказывания о том, что при ханьском У-ди Когурё входило в состав китайской империи и что

теперь надлежит вернуть эти территории. В том же году сановник Чэнь Да-дэ был направлен для сбора фактически разведывательной информации о строительстве оборонительных сооружений в Когурё [11, цз. 196, с. 6169—6170]. Предлог для начала военных действий против Когурё был найден в конце 642 г., когда до Чанани дошло известие о том, что Енгэсомун, известный сторонник твердой линии в отношениях с Китаем, осуществил переворот, во время которого были убиты правитель Когурё Еньню-ван Конму и более сотни его сторонников, и возведен на престол сын младшего брата убитого правителя — Даеян-ван. Тай-цзун, которому представился достаточный на первый взгляд предлог для карательной экспедиции, не стал предпринимать незамедлительных шагов, напомнив своим придворным, что на внутренней территории Китая по-прежнему ощущаются экономические последствия недавних междоусобных войн. [11, цз. 196, с. 6181—6182]. Между тем росла напряженность во взаимоотношениях Когурё с другими государствами Корейского полуострова — Пекче и Силла. В 643 г. королевство Силла, открыто выразившее ранее свою вассальную зависимость по отношению к Тан, сообщило китайскому государю, что Когурё, заручившись одобрением Пекче, задерживает миссии с данью от Силлы, направляемые в Китай. Когда же Енгэсомун заточил одного из китайских посланников, Тай-цзун объявил о начале карательного похода против Когурё. Осенью 644 г. многотысячная армия была направлена на северо-восток к границе с Когурё, однако прежде Тай-цзуну пришлось выслушать возражения некоторых своих подданных против этой экспедиции. Сам Тай-цзун объявил три причины, побудившие его организовать этот поход против Когурё: во-первых, Енгэсомун был цареубийцей и узурпатором; во-вторых, он подверг нападению верного вассала Китая — государство Силла, и, в третьих, Тай-цзун расценивал как необходимость возврат Ляодуна, некогда входившего в китайскую территорию [11, цз. 197, с. 6204, 6212]. Два первых похода танской армии против Когурё кончились неудачей. Неожиданная смерть Тай-цзуна в 649 г. приостановила завоевания на востоке, которые продолжались при его последователях. В 660 г. было завоевано Пекче и в 668 г. — Когурё.

В целом, внешнеполитические победы ранней Тан, завоевание обширных территорий были достигнуты во многом благодаря военно-политической доктрине и военно-социальной организации, в наибольшей степени отвечавшим потребностям набирающей силу империи. Организация армии соответствовала также задачам экономической стабилизации страны, а гибкая военная политика формировалась с тщательным учетом внутри- и внешнеполитической конъюнктуры. Военно-политическая доктрина раннетанского государства, наибольший вклад в создание которой был сделан императором Тай-цзуном и его окружением, отражала стремление китайских государей быть не просто

верховными арбитрами на огромном пространстве, базируясь на силе оружия, — танские правители заявляли о своем намерении осуществлять цивилизаторскую миссию, создавая административно-территориальные структуры на завоеванных окраинах и превращая их кочевое и полукочевое население в податное сословие земледельцев. "С древности, — говорил Тай-цзун, — все [государя] любили Китай, но пренебрегали [варварами] — жунами и ди. Я же один люблю [всех] одинаково, и поэтому их племена имеют во мне опору, как в отце и матери" [11, цз. 198, с. 6247].

Примечания

1 Когда правитель княжества Юэ Гоу-цзянь (475—463 гг. до н. э.) собрался покарать княжество У, он заявил, что не может пока добиться от своих воинов абсолютной храбрости и мужества. Увидев однажды на дороге лягушку, вздувшую живот при его приближении, он поклонился ей и заявил, что, воспитав у своих воинов боевой дух, равный гневу этой лягушки, он никогда не потерпит поражения.

2 Правитель маленького княжества Сюй, существовавшего в начале Чжоу на территории провинции Аньхуй, — Янь известен тем, что, позабыв о подготовке своей армии, решил совершенствоваться в методах гражданского управления. В результате его княжество было завоевано Вэнь-ваном (689—677 гг. до н. э.), правителем Чу, а сам Янь был убит.

3 Дословно такое высказывание в "Лунь юе" отсутствует.

4 Совершенство правителя, ведущего войну, проявляется в следующих семи добродетелях (*ци дэ*): не допускать жестокостей; уметь отказаться от применения оружия; защищать великое; свершать подвиги; умиротворять народ; успокаивать массы; увеличивать богатство.

5 В "Шу цзине" приведены следующие слова легендарного Юя: "...Добродетель [правителя] заключается в хорошем управлении, хорошее управление состоит в том, чтобы накормить народ. Вода, огонь, металл, дерево, земля, злаки [должны] находиться в порядке. Исправление нравов, обеспечение выгоды и улучшение жизни [народа] должно осуществляться в гармонии. [Когда перечисленные] девять заслуг (*цзю гун*) последовательно выполняются, это знаменуют песнями" [17, цз. 2.3, с. 2а]. Девять заслуг толкуют обычно как шесть сокровищ, три дела (*лю шу сань ши*), то есть шесть сокровищ природы и три дела государственного управления.

6 О выполнении военной повинности "колодезной" общиной см. [2, с. 88—89].

Литература

1. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
2. Конрад Н. И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Пер. и исслед. М.-Л., 1950.
3. Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.
4. Переломов Л. С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
5. Попов П. С. Китайский философ Мэн-цзы. СПб, 1904.
6. Феоктистов В. Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. Исслед. и пер. М., 1976.
7. Гу Цзи-гуан. Фубин чжиду каоши (Исследование и анализ системы фубин). Шанхай, 1962.
8. Лунь юй (Беседы и суждения). Шанхай, 1928. (Сер. Сы бу цун кань)
9. Мэн-цзы чжу шу (Трактат Мэн-цзы с комментариями и пояснениями). Шанхай, 1936. (Сер. Сы бу бэй яо)
10. Синь Тан шу (Новая история Тан). Сост. Оуян Сю и Сун Ци. Пекин, 1986.

11. Сыма Гуан. Цзы чжи тун цзянь (Всеобщее зеркало, управлению помогающее). Пекин, 1956.
12. (Тан) Тай-цзун. Ди фань (Правила императоров). Шанхай, 1936. (Сер. Цун шу цзи чэн)
13. Тай-цзун Ли Вэй-гун вэнь дуй (Диалоги Тай-цзуна и Ли Вэй-гуна). Шанхай, 1928. (Сер. Ши ши ци шу цзянь и)
14. У Цзин. Чжэньгуань чжэн яо (Основы управления в период Чжэнь-гуань). Шанхай, 1936. (Сер. Сы бу бэй яо)
15. Цэнь Чжун-мянь. Фубин чжиду яньцзю (Исследование системы фубин). Шанхай, 1957.
16. Чжунго цзюньши ши (Военная история Китая). Т. 3. Пекин, 1987.
17. Шан шу (Книга документов). Шанхай, 1928. (Сер. Сы бу цун кань)
18. *Traité des fonctionnaires et Traité de l'armée. Traduits de la nouvelle histoire des T'ang (chap. XLVI—L). Par. R. des Rotours. Tome II. Leyde, 1948.*

IRINA F. POPOVA. MILITARY POLICY OF THE EARLY T'ANG.

The main achievements of the foreign policy of China in the early T'ang period were based mainly on the rational military organization of the society and the flexible military policy of the state. The military doctrine of the period satisfied the requirements of the foreign and home political situation. The army was formed in accordance with economic stabilization of China. The official doctrine in the foreign policy represented the desire of China's emperor to civilize the nomadic tribes in the outlying districts and to make them the tax-paying subjects of the administrative-territorial structures of the empire.